

УДК 323.1:94 (470 + 571: 477) «1917/1920»

Игорь Пиляев

### НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

*В статье рассматриваются исторические истоки, идейные основы, отличительные особенности и практические результаты национальной политики российских противобольшевистских правительств в период 1917–1920 годов. Обосновывается вывод о том, что идеи «непредрежденчества» и понимаемой в имперском формате «национальной России», которые отстаивали все всероссийские противобольшевистские правительства вплоть до военной катастрофы «белого движения» зимой 1919–1920 годов, сделали невозможным создание единого фронта российских и национально-освободительных противобольшевистских сил, что предопределило победу большевиков в гражданской войне. Последний верховный правитель России генерал, барон П. Н. Врангель кардинальным образом пересмотрел национальную политику своих предшественников, но исторический шанс на военную победу над большевизмом к тому времени был упущен.*

*Ключевые слова:* национальная политика, противобольшевистские правительства, Антанта, «белое движение», Украинская Народная Республика.

Принятие Верховной Радой Украины в апреле 2015 г. пакета законов о декоммунизации страны ставит целью окончательный и бесповоротный разрыв с наследием советского тоталитарного режима, его идеологией и политикой, навязанными большевиками Украине и большинству народов бывшей Российской империи в результате Октябрьского переворота 1917 г., красного террора и достигнутой к концу осени 1920 г. стратегической военной победы над разрозненными противобольшевистскими силами в Гражданской войне.

В этом контексте особую актуальность приобретает изучение исторического опыта национальной политики «иной России», то есть тех российских правительств и режимов, которые противопоставили себя тоталитарной политике и практике большевизма, но, как распорядилась история, не сумели создать общий победоносный противобольшевистский фронт с возникшими на территории бывшей Российской империи после краха самодержавия национальными государствами, автономиями и движениями.

В связи с резким ухудшением отношений Украины, других новых независимых государств на западе и юге постсоветского пространства с Российской Федерацией, силовым отрывом от Украины в 2014 г. регионов (Крым, ряд районов Донбасса), бывших зонами активного противостояния почти столетие назад в годы Украинской национальной революции и русской Гражданской войны, обращение к опыту взаимодействия российских и национально-освободительных противобольшевистских сил выступает важным условием преодоления как существующих, так и потенциальных межгосударственных, межнациональных, цивилизационно-культурных проблем на постсоветском пространстве.

Анализ последних исследований и публикаций. Выделение нерешенных ранее частей поставленной проблемы. При накопленной обширной историографии, посвященной противобольшевистскому движению, деятельности его идейных центров и государственно-политических институтов, национальная политика российских противобольшевистских правительств, в её противоречивой целостности и динамике, до сих пор остается малоизученной отечественной и зарубежной политико-исторической наукой. Это связано, с одной стороны, с недооценкой реального и потенциального влияния их доктринального опыта (как «исторически проигравших» [1, с. 289]) в современной идеологической борьбе на постсоветском пространстве и в глобальном масштабе, а, с другой, – с отсутствием особого интереса к данной проблематике в современной российской историографии, где её специализированным исследованием занимаются, главным образом, ученые из числа представителей национальных меньшинств Российской Федерации (Д. Аманжолова, А. Гатауллин, Д. Зайнутдинов, Т. Красовицкая, И. Тагиров и др.). Указанные авторы уделяют внимание прежде всего исторической генетике национального вопроса в Российском государстве, сравнительной эффективности национальной политики большевистского режима и его идейно-политических противников в Гражданской войне, в основном в отношении народов российского Поволжья и Северного Кавказа. Однако комплексный дифференцированный анализ национальной политики российских противобольшевистских режимов у вышеупомянутых авторов отсутствует [2–5]. В целом же современная российская

историография склонна игнорировать или существенно недооценивать роль национального фактора, в частности украинского, в ходе и исходе Гражданской войны 1917–1922 гг.

Некоторые исследователи, абстрагируясь от имеющегося массива исторических фактов, пытаются дать унифицированную оценку национальной политики противобольшевистских режимов, игнорируя их качественные, порой кардинальные, отличия в этой сфере [3; 6]. Так, современный отечественный исследователь Белого движения В. Крупина считает, что именно в лозунге «единая, великая и неделимая Россия» выражены «основные идеологические постулаты Белого движения» [6, с. 8]. Между тем последний лидер Белого движения и верховный правитель России времен Гражданской войны генерал П. Врангель, как будет показано ниже, был принципиальным противником этого лозунга и полностью отказался от него как в идеологии, так и в практической политике и дипломатии.

Как правило, современные авторы рассматривают данную тему либо в ограниченных хронологических или территориальных («хронотопных») рамках, охватывающих лишь отдельные этапы или проблемные национальные вопросы противобольшевистской борьбы (украинские исследователи А. Гриценко, М. Ковальчук, О. Козерод, В. Крупина, В. Савченко, российские – К. Александров, А. Зубов, Н. Карпов, Е. Миронова, А. Пученков, А. Ушаков, В. Федюк, западные – Э. Кронер (Нидерланды), Т. Мартин, С. Плохий, (оба – США), Дж. Смел (Великобритания), Г. Торке (Германия), либо ограничиваются изучением национальной проблематики в деятельности отдельных военно-политических центров этой борьбы\*, что оставляет за рамками исследования рассмотрение и учет их институциональных и идейных взаимосвязей.

Авторы ряда современных фундаментальных исследований, посвященных событиям Февральской революции в России, большевистского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны, в той или иной степени касались различных аспектов национальной политики российских противобольшевистских режимов, однако лишь в целях раскрытия других проблемных тем указанного исторического периода (С. Кульчицкий, В. Солдатенко, Я. Тинченко (все – Украина), Я. Бутаков, В. Зимина, И. Пушкарева, В. Цветков, С. Волков (все – Россия), П. Кенез, Р. Пайпс, А. Рабинович (все – США).

Юридические аспекты национальной политики российских противобольшевистских правительств исследуются в ряде работ по конституционному праву в контексте теории и практики государственного строительства. Указанные работы носят узкоспециальный характер, однако позволяют, на основе междисциплинарного подхода, верифицировать и уточнить ряд историко-политологических предположений и выводов [7–8].

После распада СССР и образования на его территории новых независимых государств наметилась тенденция к искусственной изолированности Белого движения по регионам, рассмотрению сложного феномена национальной политики российских противобольшевистских режимов лишь в аспекте национальной проблематики конкретных современных независимых государств (либо их региональных групп), что не позволяет составить полную и объективную картину такой национальной политики, нередко отличавшейся существенной регионально-территориальной спецификой, наличием серьезных противоречий между разными центрами и уровнями противобольшевистской власти.

Например, в Украине тематика, связанная с российскими противобольшевистскими режимами (кроме Временного правительства), и сегодня часто игнорируется исследователями как второстепенная по своему значению. «Такой подход, – как справедливо отмечает М. Ковальчук, – часто приводит к недооценке роли российских антибольшевистских сил в событиях в Украине, а следовательно, не способствует всестороннему и объективному исследованию эпохи национально-освободительной борьбы» [1, с. 308]†.

Цель статьи – комплексно проанализировать вопросы национальной политики правительств, официально представлявших после Февральской революции альтернативную большевистской всероссийскую верховную власть (Временное правительство, Уфимская директория, Омское правительство, Правительство Юга России) либо воплощавших белую борьбу за восстановление

\* Для украинских исследователей (в т. ч. в диаспоре) это, главным образом, действия Добровольческой армии на территории Украины, белогвардейская война против Украинской Народной Республики (УНР) осенью 1919 г., Зятковско-Одесские соглашения между командованием Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и Украинской Галицкой армии (А. Байло, В. Горак, Б. П. Савчук, В. Солдатенко, Р. Тимченко, И. Томюк, А. Процик (украинская диаспора США) и др.).

† Так, в школьном учебном пособии «Введение в историю Украины» в подразделе «Украинская революция», посвященном событиям национально-освободительной борьбы 1917–1921 гг., нет ни единого упоминания не только об украинско-белогвардейской войне осени 1919 г., охватившей Правобережную Украину и ставшей непосредственной причиной военно-политической катастрофы Директории («Треугольник смерти»), но и о белых вообще [9, с. 113–117], хотя именно они, а не большевики, контролировали в то время большую часть Надднепрянской Украины, включая Киев, Харьков и Одессу.

такой власти (политические центры при руководителях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (далее – ВСЮР).

В данной статье рассматривается и национальная политика Временного правительства, так как, по нашему мнению, оно уже с апреля 1917 г., после возвращения в Россию В. Ленина и обнародования им «Апрельских тезисов», обретает четко выраженный противобольшевистский характер, особенно усилившийся после подавления инспирированных большевиками антиправительственных выступлений в Петрограде 3–5 (16–18) июля 1917 г.

Поскольку Временное правительство и Уфимская директория, стремившиеся, при всей их враждебности большевизму, к общенациональному примирению, а потому не отвергавшие, в принципе, возможности сотрудничества с большевиками и будущего встраивания последних в российскую политическую жизнь, не могут, таким образом, рассматриваться как в полном смысле антибольшевистские, для общей характеристики всех вышеуказанных правительств мы сочли более подходящим использовать термин «противобольшевистские».

*Исторические истоки и идейные предпосылки национальной политики российских противобольшевистских правительств.* Идея «единой и неделимой России» коренится в унаследованной самодержавием с времен ордынского владычества Московией традиции нераздельности власти и собственности в руках суверена – монгольского хана, а затем, после свержения его власти (1480 г.) – московского царя. Н. Костомаров в работе «Начало единодержавия в Древней Руси», опубликованной в 1872 году, указывал, что на долговременно покоренной монголами территории Руси (Московия), в отличие от киево-русского периода, земля стала вещественной принадлежностью властителя, что обусловило развитие отношений рабства и деспотии [10]. Позже, под влиянием Макса Вебера, такая конвергенция будет названа «патримониализмом» [11]. В этом контексте, как подчеркивал идеолог евразийства князь Н. Трубецкой: «Важным историческим моментом было не «свержение ига», не обособление России от власти Орды, а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами, замена ордынского хана русским царем с перенесением ханской ставки в Москву» [12, с. 21–22].

После падения Византии востребованная Иваном III мессианская идея «Москва – Третий Рим» была истрактована идеологическим аппаратом Московского государства в геополитическом духе: «Идея хранить христианские ценности вылилась в идею хранить территорию. [...] Эта инверсия мессианства целенаправленно насаждалась самодержавием, церковью, государственной системой образования» [4, с. 350].

Несмотря на то, что континентальная Российская империя состояла из разнородных по административно-территориальному устройству единиц, некоторые из которых имели достаточно широкую внутреннюю автономию (Финляндия, области казачьих войск и т.п.), она всегда оставалась – до своего распада – унитарно-централистским патерналистским государством, где персонификацией единой и неделимой верховной власти, единственным самодержавным хозяином был царь, который мог выступать в отношении отдельных территорий в локализованных ипостасях «Царя Польского», «Великого Князя Финляндского» и т.п. Непосредственными агентами и исполнителями царской власти в регионах выступали назначенные из имперской столицы генерал-губернаторы и подчиненные им силовые структуры. По мере того, как новые территориальные приобретения «переваривались» империей, институты и признаки внутренней автономии и самоуправления в них (за некоторым исключением «европейской витрины» – Финляндии) ограничивались и отменялись (выборность гетманов, атаманов казачьих войск, Магдебургское право, национальные образовательные учреждения и т.п.), а их элиты инкорпорировались в имперскую как «органические составляющие» последней.

Понятие «национальная Россия» после завоевания Правобережной Украины, Литвы, Финляндии, большей части Польши, Кавказа, Средней Азии становилось всё более размытым и призрачным. Вместо объективных и рациональных признаков национального единства символами «национальной России» выступали густо овеванная – усилиями государственного «агитпропа» – иррационально-религиозной мистикой фигура «Хозяина земли Русской», персонифицированная с XVII ст. в отпрыске династии Романовых, и набор геральдики «Третьего Рима». К 1917 году фактически не существовало ни единого российского народа, ни единой российской нации. По сути единственной реальной скрепой для удержания в имперском формате разнополюсных по социально-экономическому положению сословий и разновекторных по исторической генетике, цивилизационной и конфессиональной принадлежности национальностей Империи оставалась сама царская власть, с падением которой «выпадал замковый камень, и вся арка разваливалась» [13, с. 309].

Главный идеолог консервативных контрреформ Александра III, один из крупнейших официальных законодателей, обер-прокурор Святейшего Синода в 1880–1905 гг. К. Победоносцев

считал, что порядок в стране держится на вере, монархии, унитаризме, власти хозяина. Отсюда выводился тезис: «Россия единая и неделимая» [14, с. 147–148].

В России не было органического союза между воспитывавшимся в патримониальном духе народом (в канун революции в подавляющем большинстве – около 80 % – крестьянским [15, с. 97] и неграмотным [16, с. 98]) и малочисленной европейски образованной элитой (доступ к среднему образованию в России имело лишь около 1 % населения, к высшему – 0,2 % [16, с. 99]). В этом застарелом, со времен Петра Великого, обособлении, раздельном существовании «общества» и «народа» и заключалась подлинная драма противобольшевистского и, прежде всего, Белого движения.

Русский либерализм, как и русский социализм, коренился в рационалистической мысли эпохи Просвещения (бывшего прежде всего французским феноменом), которое акцентировало общее перед частным и не придавало особой ценности или полезности особенностям языка и культуры каждой отдельной нации [17, с. 27]. Русские либералы существенно недооценивали потенциал центробежной силы национализмов имперской периферии, что стало очевидно сразу после Февральской революции.

*Национальная политика Временного правительства.* Крушение самодержавия придало огромный импульс не только социальным, но и национальным движениям, немедленно поставив на повестку дня вопрос о правовых отношениях центральной власти с нерусскими народами России [4, с. 291–292]. После Февральской революции 1917 года у демократических сил коренных русских и национальных регионов прежней Российской империи впервые в истории появился шанс достичь политического соглашения о будущем государственном сожительстве или размежевании.

Однако Временное правительство, ставшее у кормила власти в результате Февральской революции, фактически попало в ловушку господствовавшей в думских кругах концепции легитимизма, т.е. преемственности де-юре от самодержавия, подтвержденной актами отречения от престола Николая II и его брата Михаила. Вместе с указанной правопреемственностью Временное правительство, несмотря на ультрадемократическую риторику Февраля, унаследовало и ордынскую генетику российской великодержавности, воспроизводящей «соответствующий тип власти с традиционным неверием в силы и разум народов, которые никогда не были едины по определению...», будучи «всегда делимы властью по собственному усмотрению и разумению» [4, с. 340]. Олицетворением этого стал вознесенный высоко на знамя воюющей страны, как некий тотем, как бы олицетворявший незыблемость деперсонифицированной революцией верховной власти, лозунг «единой и неделимой России». В парадигме данного лозунга, по сути, наследовался архетип неделимости власти в России и над её народами, который в разных модификациях был далее воспринят и большинством белых, и большинством красных вождей. Как справедливо отмечает Т. Красовицкая: «Этот путь возвращения к прежнему источнику власти и есть трагедия русской революции, ее историческая ловушка и логическая ошибка» [4, с. 340].

С падением самодержавия само слово «Россия» начинало в восприятии русской интеллигенции, стремительно вознесенной водоворотом революцией к вершинам власти, как бы замещать фигуру царя, обретая мистически-сакральное звучание и персонифицируясь, через идеологию непредрешенчества, в Учредительное собрание, как некую высшую и священную инстанцию, непременно охватывающую весь территориальный формат бывшей империи. По сути, Учредительному собранию передавались функции не просто суверенитета, а «самодержавия народа», что свидетельствовало о неразвитости, в западном понимании, правового сознания русской «февралистской» интеллигенции: ведь, как пронизательно предостерегал перед самой революцией виднейший отечественный правовед Б. Кистяковский, деспотизм народа страшнее деспотизма одной личности [18, с. 481–490].

Став заложником абсолютного примата только ещё проектировавшегося Учредительного собрания, политическая воля которого, в условиях полыхавшей Великой войны и стремительно развивавшейся революции, была мало предсказуемой и зависела от множества обстоятельств, Временное правительство обрекло себя на катастрофическое отставание в проведении насущных социальных и национальных преобразований от своих радикально настроенных политических оппонентов.

Как убеждены соответственно российский историк И. Пушкарева и немецкий историк Г. Торке, Временное правительство «не склонно было расставаться с принципами унитаризма» и «никого добровольно бы из прежней империи не отпустило бы» [19]. «Форма государственного единства, – заключает видный российский правовед В. Платонов, – не претерпела сколько-нибудь заметных изменений. В России сохранялся бюрократический унитаризм. Временное правительство стремилось сохранить единую и неделимую Россию, хотя в стране развивалось движение за независимость, федерацию, автономию многочисленных народов империи» [8, с. 20–21]. Так, в период подготовки к проведению Учредительного собрания, Временным правительством было

созвано Юридическое совещание, занимавшееся подготовкой вопросов, которые должно было бы решить Учредительное собрание, в том числе разрабатывался проект новой российской Конституции. По «Предварительному проекту статей Основных законов по вопросу об автономии (федерации)», подготовленному кадетским деятелем Н. Лазаревским, государство Российское должно было быть «единым и неделимым» [8, с. 20–21]. Подобная политика служила лишь катализатором национальных центробежных тенденций.

Весьма нетипичным, однако, стало воззвание Временного правительства 29 (16) марта 1917 г., вслед за соответствующей прокламацией Петроградского совета от 27 (14) марта, о согласии на «создание независимого Польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом», «из всех трех ныне разрозненных частей» вследствие разделов Речи Посполитой, с оговоркой, что реализация этого заявления откладывалась до созыва российского Учредительного собрания. При этом, Временное правительство выдвинуло условием содействия созданию независимого Польского государства на всех землях, населенных в большинстве поляками, заключение им с Россией «свободного военного союза». Примечательно также, что старый государственный порядок России объявлялся в воззвании к полякам «источником нашего и вашего порабощения и разъединения» [20].

Решение Временного правительства диктовалось исключительно внешними факторами: еще в ноябре 1916 года на территории Царства Польского («Привислинского края»), оккупированной Германией и Австро-Венгрией, было создано польское государство под протекторатом этих стран. Тем не менее оно получило поддержку президента США В. Вильсона, который тоже выступал за независимость Польши [19]. Таким образом, судьба Польши фактически уже не была в руках России, и Временному правительству, в условиях подготовки к вступлению США в войну на стороне Антанты и возрастающего влияния в Польше радикально-националистических и левых партий, оставался лишь один выход решения польской проблемы. Исходя из военно-политической целесообразности Временное правительство надеялось, что, признав независимость Польши, оно тем самым стимулирует поляков вступить в борьбу с австро-германскими войсками на своей территории и тем самым облегчит военные усилия России. 6 апреля 1917 г. (н. ст.) Польский Временный Государственный совет заявил, что одобряет декларацию российского Временного правительства от 29 (16) марта, но возражает против того, чтобы решение вопроса было односторонним – только российским Учредительным собранием.

Одним из первых актов Временного правительства был изданный 8 (21) марта 1917 г. «Манифест об учреждении Конституции Великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме». «Актом утверждения конституции Временное правительство, – по мнению И.М. Пушкаревой, – пыталось подстраховать, чтобы Финляндия целиком не перешла на сторону революционных сил» [19]. Однако сами финны усматривали в этом восстановлении автономии лишь первый шаг к независимости и требовали, чтобы Временное правительство признало право сейма – финляндского парламента – управлять Финляндией. Под руководством финских социал-демократов в стране развернулось мощное движение за полную независимость. 18 июля 1917 р. сейм принимает закон о восстановлении автономных прав Финляндии, который оставлял российскому правительству полномочия лишь в вопросах обороны и международных отношений. В конце июля Временное правительство отклонило этот закон и, «истрактовав шаг Финляндии как неслыханную дерзость» [21, с. 125], издало распоряжение о роспуске сейма, а его здание заняли российские войска. Временное правительство никак не могло себе представить, что военноморская база в Гельсингфорсе – одна из их трех баз Балтийского флота – вдруг окажется за пределами России.

Отбросив традиционные понятия легитимизма, В. Ленин в финляндском вопросе эффективно переиграл дипломатов Временного правительства, вручив председателю Сената (правительства) Финляндии П. Э. Свинхувуду грамоту о признании независимости до открытия Учредительного собрания, на основании декрета красного «Временного правительства» – Совнаркома – в перерыве между его заседаниями.

При оценке исторической ответственности Временного правительства и лидеров Белого движения за национальную катастрофу России, ввергнувшую страну в десятилетия красного террора и унесшей десятки миллионов человеческих жизней, стоит подчеркнуть, что правящие элиты Германии и Австро-Венгрии немедленно после начала внутренней революции и свержения императорской власти пошли на заключение перемирия и вышли из войны, признав себя побежденными, однако избежав национального хаоса, гражданской войны и тотальной гибели «цвета» своих наций. Буржуазно-интеллигентско-генеральские круги, представленные во Временном правительстве и военно-идеологической верхушке Белого движения, наоборот, стремились во что бы то ни стало продолжать «Великую войну», мотивируя это далекими и мало понятными простому народу апелляциями к рыцарским чувствам «долга, чести и верности» перед

союзниками по Антанте. Получалось, что главным и непосредственным обеспечением прав и свобод гражданина, завоеванных Февральской революцией для простого мужика, рабочего и солдата была «осознанная необходимость» умереть за «Константинополь и Проливы», возможно даже не дождавшись созыва Учредительного Собрания (а его созыв несколько раз переносился еще Временным правительством), где сотни партийных интеллигентов будут что-то решать в прениях.

В результате Временное правительство столкнулось с враждебностью широких народных масс. Его слабеющее противодействие центробежным тенденциям в национальных регионах не находило активной поддержки ни среди русского пролетариата, ни среди крестьянства коренной русской глубинки, в которой барин-инородец выглядел скорее экзотикой. Между тем большевики и левые эсеры, в первые же часы своей власти, минуя все законодательные «буржуазные условности», провели через Съезд Советов Декреты о мире и о земле, что действовало магически на темные народные массы.

*Национальная платформа не признавших Октябрьский переворот российского Заграничного дипломатического корпуса и Всероссийского Учредительного собрания.* Контуры будущей национальной платформы Белого движения были намечены ещё в ноябре 1917 г. на основе согласования позиции послов российского Заграничного дипломатического корпуса (РЗДК), оказавшихся оторванными от Центра после Октябрьского переворота в Петрограде.

Сразу же после большевистского переворота 25 октября 1917 г. в Петрограде дипломатические представительства России отказались признавать реально существующую власть и продолжили работу на платформе прежнего правительства, став «дипломатами без правительств». Допустимость и возможность такого решения базировалась на выдвинутой в этот период Корпусом идее двух России: России, подчиненной власти большевиков, и России, не имеющей правительства, но «истинной», «национальной», остававшейся верной всем обязательствам, лежавшим на стране до Октябрьских событий.

Е.Миронова выдвинула весьма обоснованное предположение о том, что Временное правительство в условиях крайней внутривластной нестабильности и двух серьезных попыток государственного переворота (большевистского в июле и правого «корниловского» в августе 1917 г.), видимо, предусмотрело и подготовило, на базе посольства России в Париже, на случай госпереворота и задержания заговорщиками членов Временного правительства, условия для немедленного начала работы «запасного» российского правительства в эмиграции [22]. Член Государственной думы трех созывов В.А. Маклаков получил назначение от Временного правительства послом России в Париже незадолго до Октябрьского переворота.

Уже 28 октября 1917 г. (ст. ст.) в письме посла России в США Б. Бахметьева В. Маклакову впервые появился термин «национальная Россия». А в середине ноября 1917 г. Б. Бахметьев уже четко сформулировал свою позицию (нашедшую консолидированную поддержку РЗДК), предвосхитив колчаковско-деникинскую политику непредрежденчества. Он считал необходимым оставаться на «символической» национальной платформе, не определяя заранее и не конкретизируя тех форм, в которые выльется окончательная победа над большевиками» [22, с. 194]. Однако само толкование термина «национальная Россия», кроме его четко выраженной антибольшевистской направленности, оставалось прерогативой надлежащей восстановлению на принципах народоправства законной российской власти.

Крупнейший из ныне живущих западных специалистов по русской революции 1917 года Алекс Рабинович (США) главным фактором, предопределившим разгон Учредительного собрания большевиками, вполне справедливо называет тот, на который указал еще секретарь Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, его первый историк и депутат эсеров Н. Святицкий: «глубокое безразличие русского народа, позволившее Ленину просто дать отмашку: «Пусть расходятся по домам!» [23, с. 127].

Последним решением Всероссийского Учредительного собрания, проголосованным под окрики «уставшего караула», стало весьма радикальное, хотя и противоречивое постановление «О государственном устройстве России». «Именем народов, государство Российское составляющих», оно провозглашалась «Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные» [24, с. 98]. Тем самым, постановлением фактически подтверждалось отсутствие единого «русского народа», однако признанный Учредительным собранием за народами бывшей империи суверенитет, а значит и право на самоопределение, ограничивался условием объединения в «неразрывный союз».

*Национальная платформа Добровольческой армии в 1918 г.* Согласно сохранившемуся проекту политической программы генерала Л. Корнилова, на основе которой он надеялся объединить все антибольшевистские силы (2 февраля 1918 г. передана Верховному руководителю

Доброармии генералу М. Алексеєву), «единственным хозяином земли русской» признавалось Учредительное собрание, а «за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства». При этом «Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлении к государственному возрождению, дабы этим ещё более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов». Из приведенных выше формулировок мы можем сделать вывод о том, что генерал Корнилов допускал даже не федеративную, а конфедеративную связь с Россией возрожденных «национально-государственных единиц» Польши, Украины и Финляндии [25, с. 502]. Однако если вспомнить, в какой стратегической обстановке разрабатывался данный документ (Польша фактически отпала от России еще осенью 1915 г.; УНР и Финляндия, уже провозгласившие независимость, находились в состоянии войны с красными; численность Добровольческой армии «единой и неделимой» составляла 3–4 тыс чел. [26, с. 203], а российский триколор на всем необъятном пространстве бывшей империи к середине февраля будет открыто развеяться лишь в ставке генерала Корнилова [26, с. 226]), становится совершенно понятной подобная «уступчивость» бывшего главковерха в национальном вопросе.

Генерал А. Деникин, сменивший 13 апреля (31 марта) 1918 г. на посту главкома Доброармии убитого в бою генерала Корнилова, – «несомненно, умный и одаренный человек», по характеристике видного общественного деятеля Юга князя Оболенского, «был чрезвычайно прямолинеен в своих чувствах, взглядах и суждениях. Раз усвоив их, он оставался им верен до конца, хотя бы жизнь на каждом шагу давала ему разочарования» [27, с. 9].

В «Наказе представителям армии», разосланном Деникиным в середине мая 1918 г., по возвращении на Дон после Первого Кубанского похода, в разные города для общего руководства, он определенно, наряду с требованием «волеизъявления русского народа», подчеркивал, унитарную доктрину воссоздания России. По мнению видного военного историка, участника Белого движения проф. А. Зайцева (Зайцова), проанализировавшего стиль и семантику документа: «Все русские люди» (курсив генерала Деникина), «установление в стране единства государственного и правового порядка» определенно подчеркивают, что идея Единой Национальной России заменяла и старую идею монархии, и родившиеся в процессе революции автономно-федеративные устремления окраин. Слишком левая для большинства офицерских кругов, являвшихся основным ядром Добровольческой армии, она была слишком правой для борющихся с большевиками окраин» [28].

Догматическая вера в «единую, великую, неделимую Россию» превратила Деникина, как военного стратега, в заложника пространства. Как вспоминал впоследствии барон П.Н. Врангель: «Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми» [29, с. 235]. Эту характеристику можно смело приложить не только к военной, но и к национально-территориальной политике Деникина.

Как указывает один из виднейших эмигрантских историков Гражданской войны Н. Головин: «План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина» [30, с. 590]. В отличие от Деникина, избранный казачьим Кругом Атаман Всевеликого Войска Донского, ставший по сути главой самостоятельного Донского государства генерал Краснов считал, что «с окраинами, в том числе и Украиной, воевать нельзя и не стоит: с ними должно столкнуться, признавши их права на свободное существование», что в войне с большевиками «надо идти прямо к цели – и цель эта: гнездо большевизма – Москва и Петроград» [30, с. 590].

Серьезные разногласия между централистом великоимперского формата Деникиным и казачьим областником Красновым печально отразились на стратегическом ходе антибольшевистской борьбы: Царицын летом 1918 г. остался во власти большевиков, соединение двух частей главного контрреволюционного фронта не состоялось, и большевикам была крайне облегчена возможность нанести отдельное поражение Восточному противобольшевистскому фронту на Волге.

Здесь следует отметить важный момент. Для М. Алексеєва, Л. Корнилова, А. Деникина и других бывших царских генералов, которые стали во главе Белого движения на Юге России, доведение до победного конца «Великой войны» с Германией и Австро-Венгрией было главным оправданием государственного переворота, которому они волей-неволей поспособствовали и в результате которого самодержавие уступило власть Временному правительству. В этих условиях признание вождями Добровольческой армии правительства УНР, заключившего сепаратный мир с немцами, или поставленного теми же немцами гетмана Скоропадского означало бы фактически расписаться в своей политической фиаско.

Несмотря на демократическую риторику, национальная политика Деникина и поведение его армии на территории Украины носили имперский характер. Как отмечает в своих воспоминаниях генерал Украинской Галицкой армии А.Кравс: «Деникинцы, мимо которых революция прошла как бы бесследно, ничего от неё не использовали и ничему не научились. Они не разорвали со старым режимом [...]» [31, с. 68].

Продиктованный имперской психологией лозунг единства и неделимости воспринимался в национальных регионах бывшей империи как противоречащий любым проявлениям национальной самостоятельности. Это провоцировало острые, вплоть до вооруженных столкновений, конфликты с национально-освободительными движениями и созданными ими новыми государствами, придерживавшимися одновременно противобольшевистской и антиимперской ориентации.

Так, Сочинский округ, несмотря на протесты англичан, был отвоеван деникинцами у Грузии силой. К началу февраля 1919 г. части Добровольческой армии, поддержанные с тыла восставшими армянскими селами, заняли Сочи и Адлер [32]. Непродуктивной оказалась политика белых и в отношении Армении и Азербайджана, также не ставших военными союзниками Белого движения в борьбе с большевиками [см.: 33].

Примечательно, что среди современных российских историков такая политика Деникина встречает оправдание не только с неоимперских позиций [34; 35], но и с позиций православно-этического фундаментализма, отвергающего рациональный политический выбор. Так, современный российский либеральный историк А. Зубов пишет: «[...] Я верно знаю, что в душе ... Антона Деникина, вертикаль веры и долга властно подчинила себе горизонталь земных расчетов, примитивную логику, объявляющую любого врага твоего врагом твоим другом» [36]. Таким образом, противоречивое, едва ли не антагонистическое сочетание в политической программе Деникина идей народоправства, гражданских свобод с имперской идеей «единой, великой и неделимой России» получает не политико-реалистическое, а религиозное обоснование через трактуемые в иррационально-мистическом духе категории «веры и долга».

*Национальная платформа Всероссийского Временного правительства «демократической контрреволюции».* Созданная представителями «демократической контрреволюции»\* концепция «третьего пути», под которой подразумевалось примирение общества под гегемонией демократических институтов, предусматривала преобразование государственного устройства России на принципах широкой автономии и федерализма, но не конфедеративного союза суверенных наций. Более того, жизненно важные и требовавшие немедленной реакции властей вопросы, в том числе признания созданных де-факто национально-государственных образований на территории бывшей империи, откладывались на неопределенный срок до нового созыва Учредительного собрания, крайне проблематичного в условиях разгоравшейся гражданской войны.

23 (10) сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании членов Всероссийского Учредительного собрания и представителей общественных, национальных организаций и региональных правительств России был принят Акт об образовании Всероссийской Верховной Власти, учреждавший Всероссийское Временное правительство (Уфимскую директорию). В области государственно-территориального устройства Актом провозглашалось признание за отдельными областями России прав широкой автономии, «обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным Собранием» [37, с. 247–248]. Однако, при том, что сама «всероссийскость» Уфимской директории была более чем условна<sup>†</sup>, поскольку в ее учреждении принимало участие абсолютное меньшинство от избранного состава Учредительного собрания, среди предписанных Актом главных задач воссоздаваемого всероссийского правительства определялись «борьба за освобождение России от советской власти» и «воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России...» [37, с. 247–248]. При этом, однако, в Акте отсутствовало упоминание о праве наций бывшей империи на самоопределение, что тем самым игнорировало главный посыл политики союзников в отношении национально-демократического переустройства

\* Противобольшевистские режимы, существовавшие в Поволжье, Сибири и на Урале в период с 25 мая 1918 г. (вооруженного выступления Чехословацкого корпуса) по 18 ноября 1918 г. (колчаковского переворота в Омске), и выступавшие за национальное примирение под гегемонией демократических институтов, прежде всего посредством скорейшего возобновления работы Учредительного собрания.

<sup>†</sup> Демократическая легитимность КОМУЧа обоснованно подвергалась сомнению союзниками по Антанте. В частности, министр иностранных дел Франции Пишон в ответ на телеграмму управляющего министерством иностранных дел КОМУЧа эсера М. А. Веденяпина-Штегемана, просившего в августе 1918 года о признании союзниками Самарского правительства за всероссийское, указывал: «[...] Невозможно отождествлять Учредительное Собрание с его Комитетом, из которого исключены две политические партии (большевики и левых эсеров – И. П.), что колеблет самый принцип легальности. [...] Вот почему Ваше происхождение от Учр. Собрания не имеет большого веса в глазах Европы. Это скорее моральная, чем законная сила...» [25, с. 261].



Европы, сформулированный в январе 1918 г. в «14 пунктах Вильсона». Более того, Уфимское совещание приняло Предписание о роспуске, в связи с образованием Всероссийской Верховной власти, всех государственных образований в границах Российской империи.

*Национальная политика верховного правителя России адмирала А. Колчака и его Всероссийского (Омского) правительства.* После белогвардейского переворота в Омске 18 ноября 1918 г., свергнувшего Уфимскую директорию и установившего диктаторское правление адмирала А. Колчака как «Верховного правителя России», последний сохранил определенную преемственность с национальной программой Уфимской директории в части обеспечения автономных прав национальностей, однако отверг федеративный принцип будущего государственно-территориального устройства России. Содержавшееся в Уфимском Акте об образовании Всероссийской Верховной Власти от 23.09.1918 г. «предположение» «окончательного установления государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным Собранием» [38] было снято с повестки дня. Более того, для народов Поволжья и Сибири не предусматривалось даже право на автономию – здесь апеллировавший к устоям западной демократии диктатор Колчак напрямую наследовал «дух и букву» национальной политики Ивана Грозного.

В согласии с выдвинутой Бахметьевым и Маклаковым идеей «национальной России» Колчак сразу после принятия полномочий Верховного правителя России заявил не об Учредительном, а о Национальном Собрании. Относительно первого он высказал твердое неприятие: «Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного Собрания собралось партийное, коорое запело интернационал и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо». Колчак пообещал созыв Национального Собрания только после создания «нормальных условий жизни», когда «в стране будет царить законность и порядок» [30, с. 376].

В целом же внешняя и национальная политика адмирала А. Колчака носила характер преемственности с курсом Особого совещания – «высшего органа гражданского управления» при верховном руководителе Добровольческой армии генерале М. Алексееве (после его смерти 8 октября 1918 г. – при главкоме Добрармии и ВСЮР А. Деникине). Персонально это выражалось в том, что управляющий отделом внешних сношений Особого совещания бывший царский министр иностранных дел С. Сазонов (после отъезда в Париж его замещал А. Нератов, бывший его же заместителем в МИД в 1910–1916 гг.), оставаясь в Париже для поддержания прямого контакта с главами держав Антанты, в конце декабря 1918 г. от имени Русского политического совещания сообщил Колчаку в Омск о признании принятой адмиралом всероссийской верховной власти, «в уверенности», что тот солидарен с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии. После получения 10 января 1919 г. положительного ответа Колчака Сазонов был назначен министром иностранных дел Всероссийского (Омского) правительства с временным пребыванием в Париже.

Первым актом Всероссийского правительства А. В. Колчака по национальному вопросу стала отмена принятой Советом народных комиссаров РСФСР 2 (15) ноября 1917 г. «Декларации прав народов России», провозгласившей их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства [39]. Такой шаг обосновывался тем, что подобные законодательные акты должны быть прерогативой нового Национального собрания. Вскоре Колчак направил новоназначенных генерал-губернаторов из числа старых имперских сановников управлять башкирами, бурятами, киргизами, тувинцами, якутами и другими народами [40, с. 297].

В то же время верховный правитель пытался лавировать в национальном вопросе, временно, в целях объединения усилий в противобольшевистской борьбе, считаясь с фактом независимости ряда национально-государственных новообразований на территории бывшей Российской империи (Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, республики Закавказья). Однако молодые государства, получавшие к тому времени не только военную, но и весьма квалифицированную дипломатическую помощь Антанты, ставили неременным условием союзнического взаимодействия с белыми их официальное признание верховным правителем России и всероссийским правительством в Омске. Колчак же в духе непредрешенчества пытался сговориться с представителями новых государственных образований лишь путем заверений в дружбе, без прямого официального признания их независимости ни де-юре, ни де-факто.

Первый крупный провал национальная политика адмирала Колчака и его Омского правительства потерпела в башкирском вопросе.

Башкирское национальное правительство, не признавшее Октябрьского переворота, было арестовано большевиками в феврале 1918 г. Отряды башкир совместно с оренбургскими казаками атамана казаками А. Дутова поднялись на вооруженную борьбу с красными, а в мае 1918 г. присоединились к восстанию Чехословацкого корпуса. Ставший во главе Башкирского военного

совета при Башкирском правительстве Ахмет-Заки Валиди (Валидов) поддерживал режимы КОМУЧа и Уфимской директории, признававшие башкирскую национальную автономию. Представители Башкирии участвовали в разработке и подписании Акта об образовании Всероссийской Верховной власти, принятого на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г.

Между тем на рубеже 1918–1919 гг., в связи с успехами колчаковских войск и возросшей возможностью их объединения с войсками Деникина на Нижней Волге, регион проживания башкир приобрел важное военно-стратегическое значение. А.-З. Валиди обращался к Колчаку, обещая поддержку в обмен на обещания автономии, однако адмирал бескомпромиссно отстаивал позицию неделимости верховной российской власти. Тогда башкирские полки (6,5 тыс. бойцов [40, с. 300]), оголив 150-километровый участок колчаковского фронта к югу от Верхнеуральска, перешли на сторону Красной армии. Таким образом, как справедливо замечает Дж. Смел, «упрямая и бескомпромиссная великорусская политика» Колчака по национальному вопросу «лишила его находившуюся под сильным давлением противника армию ресурса опытных местных войск на главном театре предстоявшего весеннего наступления» [40, с. 301].

Ещё более серьезные последствия, коренным образом повлиявшие и на внутривнутриполитическое, и на внешнеполитическое положение белых, повлекла непреклонная позиция верховного правителя России (полностью поддержанная его заместителем Деникиным) по финляндскому вопросу.

В начале 1919 г. для белых сложились крайне благоприятные условия для привлечения на союзнической основе хорошо оснащенной, закаленной в победной гражданской войне и в боях с большевиками восьмидесятитысячной финской армии на стратегически исключительно важном, если не ключевом, Петроградском направлении. Финляндия находилась в состоянии войны с советской Россией. Финские войска стояли в нескольких десятках километров от «колыбели мировой пролетарской революции», а их главнокомандующий и правитель Финляндии барон Карл Густав Эмиль Маннергейм – бывший генерал царской гвардейской кавалерии, много лет блиставший в петербургском высшем свете, – рассматривал «делом чести» поддержать белогвардейцев в подготовке и осуществлении военного похода на красный Петроград.

Видя реальное положение дел, прагматичный и опытный дипломат С. Сазонов в марте 1919 г., учитывая признание Антантой де-факто независимости Финляндии и «настоятельную необходимость [...] подготовить с помощью Финляндии наступление на Петроград», считал необходимым «изыскать средства хотя бы отчасти удовлетворить финляндцев», например путём заявления, что «мы не возражаем против предоставления Финляндии самостоятельности при условии обеспечения стратегических интересов России и защиты Петербурга» и даже «обещанием в свое время поддержать таковое разрешение вопроса перед будущим Русским народным собранием» [41, с. 95–96].

Активно пытались убедить верховного правителя признать государственную независимость Финляндии российский поверенный в делах в Лондоне К. Набоков и члены Русского политического совещания в Париже социалисты Б. Савинков [41, с. 105–106] и Н. Чайковский, занимавший пост главы Северного правительства в Архангельске при генерал-губернаторе Е.К. Миллере [41, с. 96].

Резолюция Колчака от 8 марта 1919 г., переданная телеграммой министру иностранных дел Сазонову в Париж 11 марта 1919 г. за № 160–191 гласила: «Я не считаю кого-либо правомочным высказаться по вопросу о признании финляндской независимости до Всероссийского Национального или Народного собрания (...), а потому не могу уполномочить вас сделать какие-либо заявления по этому вопросу от моего имени» [41, с. 96].

11 мая 1919 г. уже колчаковский Совет министров направил Сазонову официальную инструкцию: «Правительство считает, что государственное положение Финляндии может быть определено лишь Учредительным Собранием, предпочитая не упоминать о соглашении последнего с сеймом» [41, с. 107]. То есть даже о признании необходимости равноправного политического диалога между высшими органами власти России и Финляндии и о наделении финляндского сейма правосубъектностью в таких переговорах по вопросу о политической судьбе Финляндии правительство Колчака не хотело вести речь и отвергало эту позицию – при том, что само находилось в Сибири за тысячи верст и от Финляндии, и от собственной столицы.

3 мая 1919 года на Парижской мирной конференции представитель Франции заявил, что его страна, собственно, уже давно признала суверенитет Финляндии\*. Наконец, 6 мая Великобритания, а 7-го и США признали независимость страны де-юре. За ними последовали Япония, Бельгия, Италия и Китай.

---

\* Имелось в виду признание Парижем независимости Финляндии в январе 1918 г., еще до высадки в стране немецких войск.

Тем не менее даже после официального признания независимости Финляндии странами Антанты верховный правитель белой России адмирал Колчак и его правительство продолжали упорно настаивать на том, что вопрос самоопределения и независимости Финляндии – прерогатива не финской нации и финляндского народа, а будущего Всероссийского Национального собрания.

Лишь к концу мая 1919 г. державы Антанты смогли прийти к единой позиции относительно условий признания белого Всероссийского правительства и оказания ему военной, экономической и технической помощи: Верховный Совет Пяти – премьер-министры Великобритании, Франции и Италии Д. Ллойд-Джордж, Ж. Клемансо и В. Э. Орландо, президент США В. Вильсон и японский делегат Сайондзи – выразили свою точку зрения в ноте от 26 мая, адресованной адмиралу Колчаку. Верховный правитель получил признание де-факто со стороны союзных держав, согласившись принять условия, включавшие, между прочим, признание независимости Финляндии, Польши и урегулирование отношений с Эстонией, Латвией, Литвой, кавказскими и закаспийскими территориями «путем взаимных соглашений» или, если не удастся, через арбитраж Лиги Наций. Колчак ответил согласием на все поставленные условия, о чем официально уведомил союзников 4 июня 1919 г., а 12 июня Ллойд-Джордж, Вильсон, Клемансо и представитель Японии приветствовали тот дух, в котором был составлен ответ Колчака, и выразили готовность предоставить ему и его союзникам необходимую помощь. Однако соглашение, по убеждению Черчилля, запоздало на полгода: едва только успешно закончились письменные переговоры между Верховным советом Антанты и Колчаком, как начался разгром его армии, приведший в начале 1920 г. к падению белой Сибири и гибели адмирала [42, с. 116–118]. К тому же, как признавал весьма сочувствовавший Колчаку известный эмигрантский историк С. Мельгунов, получить поддержку демократической общественности в странах Антанты «было слишком трудно – она исходила из презумпции, что диктатура Колчака – синоним реакции» [43, с. 293].

Черчилль утверждает, что Колчак в официальном ответе от 4 июня на ноту лидеров держав Антанты от 26 мая 1919 г. «удовлетворительно ответил на каждый в отдельности из тех вопросов, которые были ему поставлены Советом пяти» [42, с. 118]. Однако это не совсем так.

Как указывалось в ответе Колчака, «русское правительство считает своим долгом напомнить, что окончательная санкция решений, которые могут быть приняты от имени России, будет принадлежать Учредительному Собранию». «Мы готовы также ныне же признать настоящее правительство Финляндии, но окончательное решение финляндского вопроса, – настаивал Колчак, – должно принадлежать Учредительному Собранию». «По отношению к национальностям Эстонии, Латвии, Литвы, Кавказских и Закаспийских стран» Колчак выразил уверенность в том, что его правительство «обеспечит различным народностям автономии» [цит. по: 43, с. 290–291]. То есть имелась в виду, скорее, даже не национально-территориальная, а культурная автономия, причем не только для титульных, но и для других национальных групп, проживавших на указанных территориях, включая русских. Любые соглашения в отношении Бессарабии (соответственно определявшие позицию Румынии по вопросу борьбы с большевиками) также, согласно ответу Колчака, подлежали утверждению будущего Учредительного собрания [43, с. 290–291].

Верховный правитель пытался убедить Маннергейма выступить в кровопролитный поход на Петроград лишь декларативным заявлением в личном письме в «искреннем уважении России к национальной свободе финляндского народа» (Секретная телеграмма Колчака Маннергейму из Омска от 23 (10) июня 1919 года [41, с. 128]). В то же время в секретной инструкции министру иностранных дел Сазонову от 25 (12) июня 1919 года правительство Колчака четко определило, что «переговоры об активной помощи Финляндии не следует ставить в плоскость каких-либо политических или территориальных уступок последней» [41, с. 123].

Маннергейм ответил Колчаку 14 июля, незадолго до подписания, под давлением сейма и общественности, указа о введении в Финляндии президентской формы правления и проведении демократических президентских выборов, грозивших ему утратой поста главы государства. Он заверил, что хотя недавно избранный финляндский сейм и колеблется, армия Финляндии определенно последует за своим главнокомандующим в наступлении на русских большевиков (которых обвиняли в спонсировании местной революционной деятельности в Финляндии и вдоль её восточной границы). Однако, подчеркивал Маннергейм, ни финляндское правительство, ни армия не захотят нести финансовые и людские жертвы в походе на большевистский Петроград, пока не получат гарантии согласия России на «некоторые условия», необходимые для будущего выживания Финляндии как нации и государства [41, с. 136–137]. Содержание этих «некоторых условий», весьма болезненных для российского великодержавия, были изложены в заключенном накануне секретном соглашении между Маннергеймом и Юденичем, текст которого ставка Колчака получила 20 июля 1919 г. через находившегося в Париже С. Сазонова.

Ввиду приближения президентских выборов в Финляндии, грозящих неблагоприятной для белых сменой власти, подчиненный Колчаку командующий Северо-Западной армией генерал Н. Юденич, осознавая решающее значение финской военной помощи для взятия Петрограда и чувствуя, что неуступчивость Омска может обернуться провалом похода на северную столицу, решился самостоятельно, с явным превышением своих полномочий, принять выдвинутые Маннергеймом условия, сводящие на нет принцип непредрешенчества: «безусловное признание независимости Финляндии», «право полного самоопределения за карелами Олонецкой и Архангельской губерний в границах, точно установленных международной комиссией», а также ряд других весьма болезненных для российского великодержавия требований: передачу всех российских военных объектов в Финляндии ее правительству, уступку Финляндии порта Печенга для доступа к Северному Ледовитому океану и др. – в обмен на совместный поход на Петроград белогвардейских и финских войск. При этом оговаривалось, что «Маннергейм руководит всей операцией русскими войсками, наступающими на финском фронте, через Юденича. Управление местностью и Петроградом переходит немедленно к Юденичу...» [41, с. 138–139].

Уже 20 июля Колчак распорядился срочно телеграфировать Юденичу о неприемлемости условий заключенного им с Маннергеймом соглашения, а также отсутствию уверенности в активной помощи со стороны Финляндии [41, с. 138]. А 26 июля в директиве главнокомандующему Северным фронтом генералу Е. Миллеру Верховный правитель еще более ужесточает свою оценку: «Условия, поставленные Финляндией, признаны нами совершенно неприемлемыми» [41, с. 141].

Ответ Колчака непосредственно Маннергейму неизвестен. По всей видимости, дипломатическая необходимость в нём отпала в связи с резким изменением политической ситуации в Финляндии: 25 июля 1919 года там состоялись первые выборы президента; выставивший свою кандидатуру Густав Маннергейм потерпел поражение и вынужден был уйти в отставку. Президентом страны стал представитель умеренного крыла профессор права К. Стольберг, весьма критично относившийся к участию в совместном с русскими белогвардейцами походе на Петроград.

Примечательно, что Маннергейм вплоть до окончательного разгрома белогвардейских войск в Европейской России не оставлял надежд на осуществление плана военного похода финской армии на Петроград [44]. Будучи единственным генералом царской армии, сумевшим победить красных, пусть и в локальной, но гражданской войне, он, тем не менее, прекрасно осознавал, что красный Петроград будет «дамокловым мечом» нависать над самим существованием Финляндии как цивилизованного государства, что и подтвердили события советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Юденич также до последнего надеялся на выступление финской армии. В критический момент боев (21–23 октября 1919 г.) он вел переговоры с Хельсинки из Царского Села. Одновременно генерал послал телеграмму в Париж министру иностранных дел Колчака Сазонову с просьбой не мешать реализации договора. Сазонов промолчал. А 5 ноября 1919 г., когда поражение белой Северо-Западной армии стало несомненным, правительство Финляндии официально заявило представителям Юденича и Антанты в Хельсинки, что отказывается от похода на Петроград [45].

Обстоятельный анализ дипломатической переписки Колчака и его Российского (Омского) правительства по финляндскому вопросу дал видный российский эмигрантский историк С. Мельгунов [43, с. 294–305]. Полагая, что «признание независимости Финляндии не могло повредить восстановлению России», он, однако, делал итоговый вывод о том, что нежелание Российского правительства Колчака «признать без санкции Учредительного Собрания независимость Финляндии», официально признанную Францией, Великобританией и США, было «скорее, тактической ошибкой», объясняя последнюю «шепетильной честностью» и «искренностью» политики верховного правителя [43, с. 304–305].

С таким выводом вряд ли можно согласиться. Полагаем, что занятая официальным Омском позиция была не следствием особых моральных качеств Колчака, а выражением принципиальной великодержавной позиции тогдашних вождей и идеологов Белого движения в национальном вопросе. Горячо полемизируя с ней с позиций рационалистического легитимизма, российский посол в Лондоне К. Набоков, настойчиво пытавшийся переубедить Колчака, в секретной телеграмме лично председателю Совета министров Омского правительства П. Вологодскому от 11 августа 1919 г. подчеркивал: «Мы не охраняем ... идей великодержавной России довоенного времени. Мы должны сознаться, что независимость Польши и Финляндии в национальных границах – совершившийся факт и что ссылки на решение этих вопросов Учредительным Собранием никого не убеждают» [41, с. 143]. Чисто традиционалистским ответом на эти аргументы выглядят слова Деникина, как заместителя верховного правителя, из его секретной телеграммы Колчаку от 20 августа 1919 г.: «В силу особых отношений, существующих между Россией и Финляндией, русский народ не может

допустить вооруженного вмешательства финнов в свои внутренние дела» [41, с. 143–144]. Иными словами, великодержавные чувства Деникина возмущала сама возможность вмешательства колонии, по его убеждению лишь временно отколовшейся, во «внутренние дела» метрополии, тем более в деле освобождения бывшей имперской столицы.

На наш взгляд, не будет преувеличением констатировать, что провал совместного с финляндской армией Маннергейма похода на Петроград был обусловлен именно великодержавной неуступчивостью верховного правителя России, что в итоге привело к отказу Финляндии от участия своей боеспособной регулярной 80-тысячной (легко доводимой до 100 тыс.) армии в антибольшевистском походе на Петроград, а осенью 1919 г. – к снятию эстонских частей и оголению антибольшевистского фронта во время осеннего наступления генерала Н. Юденича на Петроград. По последствиям провал совместного с Финляндией (а позже и с Эстонией) похода на Петроград принадлежит к числу крупнейших стратегических просчетов белой всероссийской верховной власти, приведших, в конце концов, к ее военно-политическому краху.

Реальный шанс отбить у большевиков северную столицу России, исключительно важную в государственном, военно-стратегическом и моральном смысле, был упущен.

Один из главных пропагандистов Кремля Н. В. Стариков называет наступление крошечной армии генерала Н. Юденича на Петроград в сентябре-октябре 1919 г. «вынужденным», «выдавленным и навязанным «союзниками» [46, с. 329]. При этом Стариков не упоминает об истинной позиции ни Колчака, ни формально ему и Юденичу подчиненного командующего Западной добровольческой армией П. Бермондта-Авалова, которая заключалась в принципиальной отрицании права балтийских стран и народов на национальное самоопределение, ни о провокационных заявлениях Бермондта-Авалова.

Проводившаяся Верховным правителем и его Омским правительством национальная политика возбуждала вполне обоснованные подозрения в том, что Колчак использует «непредрешенчество» как предлог, чтобы избежать действий, которые ему и его последователям политически неприятны и неприемлемы. Это будило опасения среди представителей национальных государственных новообразований и движений, что любой послевоенный режим, который будет установлен в России Верховным правителем, будет проводить ту же неоимперскую линию [40, с. 304].

Таким образом, апеллируя к модернизационным для России лозунгам и целям Февральской революции, Белое движение, в то же время, стало проявлением «традиционалистского вызова, возникшего на почве распада целостности массового мифологизированного сознания с его архаичным инстинктом неприятия власти как института и социальным рефлексом неотделимости власти от собственности» [47, с. 17]. Именно этот социальный рефлекс, а не рациональное восприятие реальных событий, связанных с подъемом национального самосознания, национально-освободительными движениями и начавшимся национально-государственным самоопределением бывших «национальных окраин» Российской империи, и обусловил парадоксальное, на первый взгляд, доходящее до иррациональности упорство и Временного правительства, и высших политических инстанций Белой власти (вплоть до стратегического военного поражения Белого дела к весне 1920 года) в отстаивании во что бы то ни стало лозунга «единой и неделимой России»\*.

Новые национально-государственные образования, отпавшие от ввергнутой в революционный хаос России, воспринимали национальную политику Колчака и Деникина как попытку восстановления царской «тюрьмы народов». Именно вопрос о политике по отношению к отпавшим от России странам и провинциям вызвал, как подчеркивал Черчилль, наибольший раскол в стане союзников по Антанте: «Деникин стоял за целостность России. В виду этого в войне против Советской России он являлся врагом своих собственных союзников» [42, с. 170]. Неспособность адмирала А. Колчака и генерала А. Деникина, олицетворявших верховную власть антибольшевистской России, выработать гибкую политику в национальном вопросе, превратила национальные регионы бывшей Российской империи из союзников Белого движения в его вольных или невольных врагов, что подорвало силы белых армий и позволило большевикам нанести им решающие поражения в Гражданской войне.

*Украинский вопрос в политике главнокомандования Вооруженных сил Юга России.* Указанная позиция Колчака и Деникина предопределила и позицию главнокомандования ВСЮР в отношении Армии УНР С. Петлюры, что закончилось катастрофой 31 августа 1919 г. – вооруженным столкновением в районе улицы Крестьян войска Деникина и Петлюры, с разных

\* Даже в условиях разгрома ВСЮР, когда последние под напором красных уже стремительно откатывались на юг, в «Наказе Особому совещанию» от 14 декабря 1919 г. Деникин приказывал принять в качестве первейшего основания своей деятельности, предшествовавшего даже пункту о «защите веры», положение «Единая, Великая, Неделимая Россия» [48, с. 176].

сторон вошедших в оставленный красными Киев, ставшей прологом большой осенней войны между двумя главными антибольшевистскими силами на территории Украины, измотавшей их и во многом предопределившей конечную победу большевиков в Гражданской войне.

Отчаянные попытки Петлюры летом и в первой половине сентября 1919 «выстроить новый жизненный модус» [49, с. 70] с белыми добровольцами Деникина, доказать главнокомандованию ВСЮР, что «главнокомандование украинских войск первым в мире начало борьбу с большевиками» и «всегда стремилось к созданию общего противобольшевистского фронта» [49, с. 30] натолкнулись на стену высокомерия, непонимания и презрения со стороны деникинских генералов и офицеров из группы ВСЮР на Правобережной Украине под командованием М. Бредова, вступавших в контакты и переговоры с представителями командования Армии УНР. В частности, на переговорах на Посту Волынском (нынешняя железнодорожная станция Киев-Волынский) 13 сентября 1919 г., на которых решалась судьба военных отношений Армии УНР и ВСЮР, белогвардейской делегацией во главе с генерал-майором П. Непениным было выдвинуто заведомо неприемлемое предварительное условие для предложенного украинской делегацией подписания двусторонней военной конвенции о ненападении и взаимодействии в войне с большевиками – политическое согласие на «культурную автономию территорий, населенных украинцами» [49, с. 33]. По воспоминаниям М. Омелянович-Павленко, перед отъездом на переговоры он даже поднимал во время личной встрече с Петлюрой «очень болезненный» вопрос возможной реакции, если белые выдвинут предпосылкой подписания военной конвенции согласие на федерацию Украины с Россией [49, с. 30–31]. Однако делегация от ВСЮР фактически предложила украинцам лишь согласиться с лозунгом «единая неделимая Россия». Переговоры завершились безрезультатно. Более того, украинскую делегацию унижительно высадили из поезда на нейтральной полосе, и она вынуждена была добираться до своих «в одиночку, без конвоя» пешим ходом по шпалам, рискуя попасть в руки красных. Как писал много лет спустя М. Омелянович-Павленко, такое «неблагородное поведение с нами бредовцев не забудется ...» [49, с. 35].

Свет на указанное поведение представителей белогвардейского командования проливает отправленное 1 (14) сентября, т. е. на следующий день после взятия Киева, по приказу Деникина из его ставки в штаб войск Новороссийской области ВСЮР телеграфное распоряжение начштаба главкома ВСЮР генерала И. Романовского, в котором предельно категорично были сформулированы инструкции по украинскому вопросу: «Украинской республики не признаём, воюем за Единую Россию и никаких вооруженных сил кроме русских армий на территории России не допускаем. Поэтому петлюровцы должны или разоружиться или покинуть пределы России» [50]. Фактически это была инструкция полномасштабной войны с УНР.

Как подчеркивает М. Ковальчук, «с точки зрения традиционного российского патриотизма украинское национально-освободительное движение было заговором, инспирированным внешними врагами России (Германией и Австро-Венгрией) и лишенным всякой идейной основы» [1, с. 9]. Следует, однако, отметить, что такая позиция находила сторонников и среди некоторых влиятельных представителей держав Антанты. Так, руководитель группы американских экспертов по восточноевропейским делам, участвовавших в работе Парижской мирной конференции, профессор Р. Лорд считал «Украину, как политическое движение» лишь «интригой немцев и что она неспособна к самостоятельной государственной жизни» [51, с. 66]. В основе своей ту же позицию заявил во время аудиенции 30 июня 1919 г. делегации УНР государственный секретарь США Р. Лансинг [1, с. 11].

Следует отметить, что вышеуказанное отношение Деникина к украинскому вопросу формировалось не только шовинистическим окружением его политических советников – либералов-кадетов «имперского разлива» (хотя, например, один из руководителей Русского политического совещания и российский посол в Париже кадет В. Маклаков постоянно в своих депешах в Таганрог подчеркивал необходимость избегать конфликтов с Петлюрой [52, с. 39]), но и в силу факторов, связанных с незрелостью и разобщенностью самого украинского национального движения: как вспоминал тогдашний премьер-министр УНР И. Мазепа, «вся правая оппозиция вместе с Петрушевичем была решительно против войны с Деникиным» [53, с. 63], а высший командный состав украинской армии, за небольшим исключением, «был убежден в бесполезности любой борьбы против белогвардейцев и настроен исключительно на поражение» [1, с. 285]. Деникинскому главнокомандованию война против «полурегулярных» петлюровских формирований, вероятно, представлялась «прогулкой» [1, с. 78], а на деле оказалась кровопролитной, истощающей и проигрышной для обеих сторон.

Как подчеркивал бывший руководитель делегации УНР на переговорах с Добрармией генерал М. Омелянович-Павленко, «победа» белых над украинцами была «Пирровой» [49, с. 72].

Деникинцы не только вынуждены были во время решающего похода на Москву значительную часть своих регулярных сил задействовать на фронте против украинцев\*, но и столкнулись с широким повстанческим движением украинского крестьянства в своем тылу. С началом украинско-белогвардейской войны рядовым украинцем они уже определённо воспринимались не как герои-освободители от большевистского ига, а как носители старого порядка, который, вслед за реставрацией помещиков и беспощадными реквизициями крестьянского имущества, нёс возобновление социального и национального гнёта.

Соглашения о перемирии и военном союзе между ВСЮР и Украинской Галицкой армией, достигнутые к середине ноября 1919 г., согласно которым последняя в полном составе переходила от Петлюры на сторону Добровольческой армии [54, с. 428], лишь окончательно испортило отношения Деникина с поляками, практически ничего не принеся ему в военном отношении: к тому времени Петлюра, ценой отвлечения значительных сил белых с Московского направления, был разбит, а основные силы ВСЮР – перемолоты ударной группировкой красных в ходе Орловско-Кромского сражения.

*Национальная политика верховного правителя России генерала, барона П. Врангеля и его правительства.* К апрелю 1920 г. крах национальной политики белой верховной власти стал очевиден даже для её главных политических советников и идеологов – кадетов: На Парижском совещании членов ЦК кадетской партии было решено формально отказаться от обязательства непредрешенчества и призвать к созданию на демократической основе местных правительств и предоставлению автономии национальным меньшинствам ещё до военной победы над большевиками (уже призрачной) и созыва Всероссийского Учредительного собрания. Еще в апреле 1919 г. эти вопросы дискутировались в Омске, однако не были решены из-за существовавшей в то время сильной оппозиции реформам в высшем командовании и политических слоях Белого движения [40, с. 304]. А ещё через год крупнейший либеральный идеолог Белого движения лидер кадетской партии профессор П. Милюков, выступая 26 мая 1921 г. на партийном совещании в Париже, выскажется целиком категорично: «Я уже давно стою за федерацию, ибо «единая и неделимая Россия» – лозунг, нас погубивший» [55].

Катастрофическое поражение белых армий Колчака и Деникина заставило не только многих белых идеологов, но и нового лидера Белого движения генерала барона П. Врангеля кардинальным образом пересмотреть национальную политику.

Крупнейшие фигуры западной и российской политической мысли XX века, принимавшие самое активное участие в антибольшевистской борьбе (У. Черчилль, П. Струве, В. Шульгин и др.) считали личность Врангеля исключительной для Белого движения, несравненно более крупной по масштабу и качествам государственного деятеля, нежели Деникин [42, с. 315–316; 56, с. 311]. По свидетельству видного земского деятеля белого Крыма князя В. Оболенского, Врангель, в отличие от «чрезвычайно прямолинейного в своих чувствах, взглядах и суждениях» Деникина, «наоборот, старался с жадностью почерпнуть не в идеях, а в самой жизни руководящие нити для своей политики» [27, с. 9]. Известный историк Белого движения Э. Кронер (Нидерланды) отмечает умение барона «видеть события в исторической перспективе» [57, с. 5].

Вместе с тем Врангелю, конечно, было далеко до той гипнотической харизмы, какую обладали среди широких слоев простого народа красные верховные вожди Ленин и Троцкий [23]. Как указывает Оболенский, по основным чертам психологии он «все-таки оставался ротмистром кавалергардского Его Величества полка», а председатель врангелевского правительства Кривошеин – «тайным советником и министром большой самодержавной России» [27, с. 36].

Современные российские историки пытаются затушевать глубокие идейные расхождения между Деникиным и Врангелем, знаменовавшие кардинальное переосмысление руководством Белого движения понимания «национальной России», – стараясь представить, как это делали раньше советские историки, смену верховного вождя Белого движения лишь результатом интриг и властных амбиций. В этой борьбе симпатии российских историков чаще оказываются на стороне имперца-«непредрешенца» Деникина. Так, по утверждению А. Ушакова, В. Федюка и А. Пученкова, в борьбе за власть на белом Юге Врангель «пустился в откровенные интриги» против Деникина [33, с. 36; 56, с. 311].

Мы не можем согласиться с мнением российского историка М. Карпова, что «противоречия между Деникиным и Врангелем не носили политического характера», а «касались только вопросов выбора союзников и определения стратегии боевых действий» [58, с. 26]. Не затрагивая здесь серьезных расхождений между главнокомандующими ВСЮР по исключительно политически

\* От 11 %, или более 17 тыс. штыков и сабель, согласно подсчетам украинского историка М. Ковальчука на основе найденного в архиве и опубликованного в 1998 г. российским журналом «Белая гвардия» (№ 2, с. 69–96) полного боевого состава ВСЮР на 18 октября 1919 г. (н. ст.) [1, с. 303], до четверти, по данным М. Омеляновича-Павленко [49, с. 18].

важному аграрному вопросу, заметим только, что и по нему, и по национальному вопросу Врангель отказался от принципа непредрежденчества, принципиально и последовательно проводимого Деникиным, и не только официально декларировал, но и предпринял серьезные практические шаги по осуществлению своего нового политического курса в этих вопросах.

По свидетельству В. Оболенского, в апреле 1920 года Врангель оценивал свои шансы на военный успех как «один на сто» [27, с. 10]. Изолированный на крохотном по сравнению с масштабом бывшей империи полуострове с остатками разгромленной армии, брошенный всеми бывшими союзниками по Антанте, кроме Франции, Врангель в таких условиях получил возможность решительно отбросить ещё недавно «священный» для белой верховной власти догмат «единой и неделимой».

У Врангеля не только не было «священного трепета» перед лозунгом «Единой, Великой и неделимой России»: он считал его «туманным и неопределенным», а, по результатам политики его отстаивания – ошибочным и вредным [29, с. 106]. Сняв указанный лозунг с повестки дня, Врангель тем самым совершил идеологический и ментальный разрыв с имперским по сути дискурсом прежних вождей Белого дела.

Понятие «национальная Россия» для Врангеля было скорее модернизационным вызовом понятию «единая и неделимая Россия», подобно противопоставлению «вестфальского» национального государства и феодальной империи. Его политика в национальном вопросе отличалась цельностью и логической последовательностью. Впервые в истории Белого движения она и де-юре, и де-факто согласовывалась с 14 пунктами Вильсона как программой национально-государственного размежевания в послевоенной Европе.

В письме от 20 (7) июня 1920 г. начальник управления внешних сношений в правительстве Врангеля П. Струве сообщал премьер-министру Франции А. Мильерану, что генерал Врангель придерживается взглядов на необходимость организации России на свободном договоре, заключенном между «политическими новообразованиями, фактически существующими». Будущий федеративный союз должен был исходить из общности интересов, прежде всего экономических, и основываться «на свободном волеизъявлении населения, через посредство представительных собраний, избираемых на демократических основах» [59, с. 138–139]. То есть, не прибегая к юридическому признанию государственных новообразований на территории бывшей Российской империи, Врангель де-факто признал их суверенитет, демонстрируя уважение к одному из основополагающих принципов нового европейского порядка, установленного Версальской конференцией, – праву народов, ранее входивших в состав многонациональных империй, на самоопределение. Это, в свою очередь, расширяло платформу для диалога и переговоров с представителями постимперских национальных государств.

Известно, что 14 июня 1920 г. Врангель телеграфировал в российское дипломатическое представительство в Варшаве, что для него «польские войска не только не являются вражескими, но рассматриваются как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом» [60, с. 253].

О том какое внутреннее сопротивление в белогвардейских кругах приходилось преодолевать Врангелю идя на союзнические отношения с Польшей и УНР в условиях советско-польской войны, свидетельствует, на первый взгляд, совершенно парадоксальный факт из воспоминаний видного белого дипломата Г. Михайловского: «сочувствие всех членов русской белой миссии в Варшаве [было] на стороне большевиков» [61, с. 511].

Кардинальный пересмотр Врангелем курса своего предшественника коснулся и украинского вопроса. Вместо юридического запрещения употребления слова «Украина» и доминирования «Малороссия», «Юго-Западный край», в 1920 г. топографическая дискриминация на официальном уровне прекратилась. На полуострове свободно действовали украинские объединения.

Современный украинский историк В. Крупина провёл детальный анализ врангелевского «Воззвания главнокомандующего к украинцам» от 12 (25) августа 1920 р. В воззвании начальственно-патерналистский тон деникинского обращения «К населению Малороссии» сменился хотя и «братским», но апеллирующим к рациональному выбору. В нем акцентируется не общее (к тому же очень по-разному оцениваемое) прошлое двух народов, а наличие общего врага – большевизма, попирающего веру, свободу и достояние народов. Врангель признавал право украинского народа на самоопределение и не противопоставлял Украину «единой России», предлагая между тем союз на условиях, аналогичных договору с казачьими новообразованиями. В то же время в «Воззвании» не затрагивались проблемные политические вопросы, в частности отношения с УНР [62, с. 159–169].

По различным данным, в Русской армии Врангеля уроженцы Украины составляли от 50 до 75 % [63, с. 41; 64, с. 100], а вместе с уроженцами Кубани, по признанию самого Врангеля, сделанному им 14 мая 1920 г. на встрече с делегацией военной миссии УНР, – до 80 % [65, с. 25–



26]. По данным красной разведки, в Корниловской дивизии – наиболее многочисленном и боеспособном формировании Русской армии Врангеля – новые пополнения, мобилизованные в Полтавской и Харьковской губерниях, довели в некоторых частях долю украинцев до 65–85 %. Соответственно настроение в них характеризовалось как «украино-малоросское: с большим удовольствием перешли бы к Петлюре» [66, л. 809 об.].

В августе 1920 года в Варшаве между представителем правительства УНР, занимавшим в то время пост заместителя председателя Совета народных министров и министра юстиции, А. Ливицким и представителем Врангеля в Варшаве Б. В. Савиновым, с согласия главы Польского государства Ю. Пилсудского и представителей Антанты, было достигнуто политическое соглашение, которое позволило начать совместную антибольшевистскую борьбу на платформе признания правительства УНР и необходимости будущего созыва украинского Учредительного собрания. Последнее должно было определиться по вопросу независимости Украины и ее будущих отношений с Россией [67, с. 368–369; 68].

Таким образом, Врангель пошел в национальном вопросе гораздо дальше Временного правительства, основателей Добrarмии Алексея и Корнилова, Всероссийского правительства Колчака и даже правительств «демократической контрреволюции». Он обусловил признание независимости Украины решением не всероссийского, а всеукраинского Учредительного собрания и согласовал эту позицию с Главным атаманом Армии УНР и главой украинской Директории Симоном Петлюрой – заклятым врагом Деникина [68].

Успеху вышеупомянутого соглашения, которое уже начало активно реализовываться, помешало, однако, подписание Польшей 12 октября 1920 г., за спинами Врангеля и Петлюры, Рижского перемирия и предварительных условий будущего мирного договора с представителями РСФСР и Украинской ССР\*.

Тем не менее союзническое взаимодействие Армии УНР и частей 3-й Русской армии генерала Б. Пермикина можно характеризовать как вполне эффективное. За несколько недель совместных боевых действий, вплоть до совместного отступления на польскую территорию в конце ноября 1920 г., оперативные данные командования Армии УНР не зафиксировали каких-либо случаев нарушения союзных обязательств [69]. Зато, по крайней мере, однажды совместные действия украинских и русских антибольшевистских сил принесли ощутимый успех: 16 листопада 1920 р., по оперативным данным Армейского Командования УНР, в районе села Галузинцы (ныне – Хмельницька область) сборная казачья дивизия есаула М. Яковлева из донских и терских казаков вместе с конным полком Черных Запорожцев Армии УНР почти уничтожили бригаду известного красного командира Г. Котовского [69, с. 353].

28 октября 1920 г. с разрешения Главного атамана Симона Петлюры командующий 3-й Русской армией генерал-лейтенант Б. Пермикин принял участие в совещании высшего командного состава Армии УНР, созванном её командующим генерал-поручиком М. Омеляновичем-Павленко. Согласно выработанным на совещании условиям, «Русская Армия, на основании признания Украинской Армии, как Армии Украинской Народной Республики, обязалась проводить в полном контакте с [...] Армией [УНР] совместные акции против общего врага – большевиков» [69, с. 317]. Генерал Пермикин, оставаясь в подчинении генерала Врангеля, официальным письмом от 28 октября на имя главнокомандующего Армией УНР заявил о своем решении до планировавшейся подписи военной конвенции о совместной борьбе с большевиками между правительством С.В. Петлюры и формировавшим 3-ю Русскую Армию Русским Политическим Комитетом в Польше (глава – Борис Савинов), оказать посильную помощь дружественной Армии Украинской Народной Республики и взял на себя «обязательства относятся к Правительству и населению Украины как к Правительству и населению дружественного и союзного Государства и не вмешиваться во внутренние дела этого Государства» [69, с. 317]. Незадолго до эвакуации из Крыма правительство Врангеля признало государственную независимость УНР, о чём её Армейскому командованию стало известно 14 ноября 1920 года [69, с. 340].

Таким образом, только Врангель первым и единственным из всех верховных вождей Белого движения обозначил борьбу с большевизмом как главную цель, имеющую приоритет над всеми другими целями и задачами, включая даже сохранение территориальной целостности России. Он ставил задачу возрождения российской государственности снизу, посредством согласованных добровольных и сознательных усилий всех сил, противостоявших большевизму, среди которых важнейшее место им отводилось новым национально-государственным образованиям, возникшим на западе и юго-западе бывшей Российской империи.

---

\* Польша пошла на подписание окончательного текста мирного договора лишь в марте 1921 г. только после окончательного военного поражения армий Врангеля и Петлюры и выявившейся бесперспективности расчетов на новый поход Антанты против Советской России.

Выводы и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Имперские предрассудки не позволили лидерам всероссийского противобольшевистского движения вплоть до военно-стратегического разгрома зимой 1919–1920 г. сделать выводы из краха полуфеодальных империй в результате Первой мировой войны и встроиться в процессы «вестфализации» и социально-политической модернизации послевоенной Центрально-Восточной Европы в формате собственно «национальной России», т.е. в интересах собственно русского и других его коренных народов, а не младоимперской элиты «великой, единой и неделимой» России победившего Февраля. Под лозунгом «национальная Россия» российские противобольшевистские правительства, вплоть до военного поражения Колчака и Деникина и, соответственно, олицетворявшихся ими структур всероссийской власти, понимали «целокупную» территорию прежней Российской империи, за возможным исключением – с санкции будущего Учредительного (Национального) собрания – Польши и Финляндии, имевших государственный статус до Февральской революции.

Если большевики в ходе Гражданской войны сумели, в основном вооруженной силой и прямой интервенцией, инкорпорировать восточные и южные «национальные окраины» бывшей Российской империи в состав СССР, то конфликт с западными (и в географическом, и в культурно-цивилизационном, и в конфессиональном смысле) «национальными окраинами» окончился для них поражением в Финляндии, Польше, странах Балтии. Белые вожди не смогли, однако, обернуть это очень болезненное поражение большевиков в свою пользу. Вместо ценнейших союзников, опиравшихся на Антанту, белые лозунгом «единая и неделимая Россия» обрели себе множество явных и тайных врагов и явную недоброжелательность ведущих государств Антанты к рецидивам старой имперской политики России.

По сути, всероссийские белые вожди до Врангеля, отстаивая «чистоту риз», несмотря на прозападную ориентацию, предпочли верность идейным догматам, что коренились в ордынско-византийской генетике московской великодержавности, прагматическим интересам национальной (в «вестфальском» смысле) России.

Последний верховный правитель России генерал П. Врангель пошел в национальном вопросе гораздо дальше Временного правительства, основателей Добровольческой армии генералов М. Алексеева и Л. Корнилова, Всероссийского правительства адмирала А. Колчака и даже правительств «демократической контрреволюции». Он первым из верховных белых вождей выдвинул лозунг устройства будущей России на началах федерации, основанной на свободном соглашении. Добровольность вхождения в федерацию автоматически означала отказ от ордынского принципа «единой и неделимой».

Признание Врангелем, как Верховным правителем России, суверенитета Украинского Учредительного собрания в определении будущего статуса Украины и ее отношений с Россией, а, тем более, признание государственной независимости УНР являлось явным и принципиальным отходом от той позиции «непредрешения» в вопросе национально-государственного устройства, которую занимали его предшественники Колчак и Деникин. Однако к тому времени коренной перелом в ходе гражданской войны в пользу большевиков уже наступил. Исторический шанс на создание единого победоносного фронта всероссийских и национально-освободительных противобольшевистских сил был упущен, что обернулось установлением в России тоталитарной диктатуры большевиков, уничтожением демократически настроенной части политической элиты страны и тяжелейшими последствиями для возникших после краха Российской империи новых независимых государств в виде различных форм «экспорта революции» (военная интервенция и оккупация либо провоцирование вооруженных конфликтов, грубое вмешательство во внутренние дела, постоянная военная угроза) со стороны большевистского режима.

Исключительно продуктивным для дальнейших исследований представляется поиск общедемократической платформы, на которой можно было бы найти точки соприкосновения, сблизить позиции и оценки тех или иных фигур, событий и явлений революции и гражданской войны 1917–1921 гг. на территории современной Украины.

#### **Список использованных источников**

1. Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння / М. Ковальчук. – Київ: Темпора, 2006. – 576 с. – С. 289. 2. Аманжолова Д. Национальный вопрос в годы гражданской войны в России / Д. Аманжолова // История. – 2003. – № 19. – С.1–9. 3. Гатауллин А. Г. «Белая» Россия: проблема выбора формы территориального устройства / А. Г. Гатауллин, Д.Р.Зайнутдинов // Актуальные проблемы экономики и права. – Казань: Познание, 2014. – № 2 (30). – С. 170–177. 4. Красовицкая Т. Ю. Национальный вопрос в Гражданской войне: идеалы и практики / Т.Ю.Красовицкая // Гражданская война в России, 1917–1922: Очерки экономической и политической истории (Библиотека «Нового исторического вестника») / Сост. и отв. ред. С.В. Карпенко. М.: Издательство Ипполитова, 2013. – С. 289–356. 5. Тагиров И. Р. На изломе истории / И. Р. Тагиров. – Казань: Татарское книжное издательство, 2004. – 423 с. 6. Крупина В. О. Білий рух в Україні (1917–1920 рр.): автореф. дис.... канд. істор. наук / Віктор Олександрович Крупина. – Київ: Інститут історії

України НАН України, 2005. – 19 с. 7. Бухвостова Д. В. Политическое устройство России в программах Белого движения и белоэмиграции (конституционно-правовые концепции и практика государственного строительства) / Д.В. Бухвостова // Управление общественными и экономическими системами. Научный журнал. – Орел: ОГТУ, 2009. – № 2. – С. 1–9. 8. Платонов В. М. Территориальное устройство России по проекту Юридического совещания / В. М. Платонов. // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 6. – С. 18–21. 9. Закалюк А. Є. Вступ до історії України: Навчальний посібник / А. Є. Закалюк. – Львів: Астролябія, 2012. – 160 с. 10. Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси / Н. И. Костомаров // Исторические монографии и исследования. Т. XII. – СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1872. – С. 1–152. 11. Пайпс Р. О влиянии монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование [Электронный ресурс] / Р. Пайпс // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/p20-pr.html>. 12. И. Р. [Трубецкой Н. С.]. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. – Берлин: Геликон, 1925. – 60 с. 13. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Том 2 / Н. Н. Головин; предисл., коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – Москва: Айрис-пресс, 2011. – 704 с. 14. Ирхин Ю. В. § 3. Характер политических и правовых учений в России XIX в // Политология: Учебник / Ю. В. Ирхин, В.Д. Зотов, Л. В. Зотова. – Москва: Юрист, 2002. – С. 143–151. 15. Сахаров А. Н. Россия в начале XX века / А. Н. Сахаров (рук.), А. Н. Боханов, Л. С. Гатагова и др.; под общ. ред. А. Н. Яковлева. – Москва: Новый хронограф, 2002. – 607 с. 16. Дворников П. География Российской империи / П. Дворников, С. Соколов. – Москва: Сотрудник Школ, 1913. – 324 с. 17. Procyk A. Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War / A. Procyk. – Edmonton-Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1995. – 202 pp. 18. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А.Кистяковский. – Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. – 704 с. 19. Почему Временное правительство сразу выпустило из империи Польшу? Мнения российских и западных историков [Электронный ресурс] / Сост. А. Горянин; ред. А. Стреляный // Сайт Ностальгии.net. – 8 октября 2013. – Режим доступа: <http://ностальгии.net/чем-объяснить-попытку-демократизации/>. 20. Воззвание Временного правительства к полякам // 16 марта 1917 г. // Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2110, оп. 1, д. 1394, л. 313. 21. Мейнандер Г. Історія Фінляндії: Лінії, структури, переломні моменти / Г. Мейнандер / перекл. зі швед. Н. Іванчук. – Львів: ЛА «Піраміда», 2009. – 216 с. 22. Миронова Е. М. Русская дипломатическая мысль в конце 1917 г. / Е. М. Миронова // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Репина Л. П. (Ред.). – 2010. – Выпуск 33. – С. 187–212. 23. Rabinowitch A. The Bolsheviks in Power: The First Year of Bolshevik Rule in Petrograd / Alexander Rabinowitch. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. – 494 pp. 24. Всероссийское Учредительное Собрание. Стенографический отчет. Репринт издания 1918 г. – Киев: Абрис, 1991. – 99 с. 25. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Том 1 / Н.Н. Головин; предисл., коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – Москва: Айрис-пресс, 2011. – 560 с. 26. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Том 2 (книги 2 и 3) / А. И. Деникин. – Москва: Айрис-пресс, 2006. – 736 с. 27. Оболенский В. А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца / В.А. Оболенский. – М.-Л.: Государственное издательство, 1928. – 93 с. 28. Зайцев А. А. Оформление русской контрреволюции. Образование фронтов / 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны / А. А. Зайцев [Электронный ресурс] / А. А. Зайцев. – Париж, 1934. – Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/zaitsov5.htm#z28>. 29. Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары / П. Н. Врангель. – Минск: Харвест. 2002. – 480 с. 30. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Том 2 / Н. Н. Головин; предисл., коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – Москва: Айрис-пресс, 2011. – 704 с. 31. Кравс А. За українську справу. Спомини про Ш. Корпус У.Г.А. після переходу за Збруч / А. Кравс. – Львів: Видавничка кооператива «Червона калина», 1937. – 100 с. 32. Зубов А. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа / А. Зубов // Знамя. – 2000. – № 4. – С. 141–173. 33. Ушаков А.И. Белое движение и право наций на самоопределение / А. И. Ушаков, В. П. Федюк // Проблемы политической и экономической истории России. – М., 1998. – С. 104–118. 34. Бутаков Я. А. Рыцарь «Единой и неделимой» (К перезахоронению праха А. И. Деникина) / Я. А. Бутаков [Электронный ресурс] / Я. А. Бутаков // Правая.ру. – 3 октября 2005. – Режим доступа: <http://www.pravaya.ru/ludi/450/5025>. 35. Волков С. В. Почему РФ – ещё не Россия. Невостребованное наследие империи / С. В. Волков. – Москва: Вече, 2010. – 352 с. 36. Зубов А. На морали стоит социальный мир... / А. Зубов [Электронный ресурс] // Континент. – 2011. – № 148. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/148/zu11.html>. 37. Уфимское Гос. Собрание. Акт об образовании Всероссийской Верховной Власти // Русский Истор. Архив. Сборн. первый. – Прага: Издание русского заграничного исторического архива, 1929. – С. 247–251. Акт об образовании Всероссийской Верховной власти 26 (8) – 10 (23) сентября 1918 г. // Архив русской революции. – Москва: Терра, Политиздат, 1991. – Т. 12. – С. 189–193. 38. Акт об образовании Всероссийской Верховной власти 26 (8) – 10 (23) сентября 1918 г. // Архив русской революции. – Москва: Терра, Политиздат, 1991. – Т. 12. – С. 189–193. 39. Декларация прав народов России. 2(15) ноября 1917 г. / Декреты Советской власти. – Т. 1. – Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С. 39–42. 40. Smele J. D. Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920 / J. D. Smele. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 788 p. 41. Колчак и Финляндия. С предисловием Н. Нелидова // Красный Архив. Исторический журнал Централхива РСФСР. – Т. 33. – М.; Л.: Государственное изд-во, 1929. – С. 83–144. 42. Черчилль У. Мировой кризис / У. Черчилль. – М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932. – 328 с. 43. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 книгах / С. П. Мельгунов. – Книга вторая: Часть III. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 496

с. 44. Иоффе Э. Глава 6. Ни бог, ни царь и ни герой / Линии Маннергейма / Э. Иоффе [Электронный ресурс]. – Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2005. – Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/mannergeim/mannergeim6.htm>. 45. Зирин С. Полководец Северо-Запада. Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич / С. Зирин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.nnre.ru/istorija/vozhdi\\_belyh\\_armii/p3.php](http://www.nnre.ru/istorija/vozhdi_belyh_armii/p3.php). 46. Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? / Н. В. Стариков. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 384 с. 47. Зими́на В. Д. Новые взгляды на старые проблемы (вместо предисловия) / В. Д. Зими́на / Гражданская война в России, 1917–1922: Очерки экономической и политической истории (Библиотека «Нового исторического вестника») / Сост. и отв. ред. С. В. Карпенко. – Москва: Издательство Ипполитова, 2013. – С. 14–19. 48. Деникин А. И. Поход на Москву («Очерки русской смуты») / А. И. Деникин. – Киев: Воениздат, 1990. – 228 с. 49. Омелянович-Павленко М. На Україні 1919. Переговори й війна з російською добровольчою армією. – Прага: Stilus, 1940. – 96 с. 50. Распоряжение начальника штаба главнокомандующего ВСЮР генерала И. П. Романовского штабу войск Новороссийской области ВСЮР. 1 (14) сентября 1919 г. / Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. – Київ: Темпора, 2006. – С. 501. 51. Стахів М. Західня Україна. Збройна і дипломатична оборона в 1918–1923 / М. Стахів. – Том VI. Кн. перша. – Скрентон (Пенсильванія): Український Робітничий Союз, 1961. – 220 с. 52. Процик А. Російський націоналізм і Україна в добу революції і громадянської війни / А. Процик // Проблеми вивчення історії української революції 1917–1921 рр. – К.: Інститут історії України НАН України, 2002. – С. 14–52. 53. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921 / І. Мазепа. – Т. 2. – Б. м.: Видавництво «Прометей», 1951. – 245 с. 54. Гриценко А. П. Договір між командуванням Української Галицької армії та командуванням Добровольчої армії 1919 / *Енциклопедія історії України. У 5 т.* / Редкол. В. А. Смолій та ін. – Інститут історії України НАН України. – Київ: Наукова думка, 2003. – Т. 2. – С. 428. 55. Тагиров И. «Единая и неделимая Россия» – лозунг, нас погубивший / И. Тагиров // Звезда Поволжья: Газета. – 16 февраля 2012. – С. 1. 56. Пученков А. С. Рецензия на книгу А. Kröner. «The White Knight of the Black Sea. The life of General Peter Wrangel» / А. С. Пученков // Новейшая история России. – 2014. – № 2. – С. 308–318. 57. Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля / Э. Кронер / пер. с англ. Т.П. Тетеревлева. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 463 с. 58. Карпов Н. Д. А.И. Деникин и П.Н. Врангель: от несогласия к антагонизму / Н.Д.Карпов // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С. М. Исхаков. – Москва: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2006. – С. 26–38. 59. Врангель П. Н. Записки. Часть вторая. – Москва: Голос, 1995. – 350 с. 60. Цветков В. Ж. Часть 1. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России / Белое дело в России. 1919–1922 гг. / В. Ж. Цветков. – Москва: ИП Цветкова Е. А., 2013. – 495 с. 61. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. / Г. Н. Михайловский. – Москва: Международные отношения, 1993. – 687 с. 62. Крупина В. А. Украина в программе государственного строительства П. Врангеля / В. А. Крупина // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С.М. Исхаков. – Москва: Социально-политическая мысль, 2006. – 216 с. 63. Гетманенко О.Д. Черная белая гвардия: (О судьбе белогвардейцев-эмигрантов) / О. Д. Гетманенко, А. А. Юшко // Военно-исторический журнал. – Москва, 1989. – № 11. – С. 41–48. 64. Павленко В. В. Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр.: дис. на здобут. вчен. ступ. докт. іст. наук: 07.00.02 / В.В.Павленко. – К.: НАН України, Ін-т укр. археографії та джерелознавства, 1996. – 419 с. 65. Цапко І. Перша українська військова місія в Криму (травень 1920) / І. Цапко // Вісті Комбатанта. – Нью-Йорк, 1963. – Ч. 3. – С. 19–26. 66. Доклад оперативной части Особого отдела Кавказского фронта [Красной армии] о состоянии Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Конец июля 1920 г. // Центральный архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, ф. 1, оп. 4, д. 543. 67. Савченко В. А. Симон Петлюра / В. А. Савченко. – Харьков: Фолио, 2004. – 415 с. 68. Шурхало Д. Украинский гамбит Черного барона / Д. Шурхало // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://ord-ua.com/2010/04/13/ukrainskij-gambit-chernogo-barona/?lpage=1>. 69. Українсько-московська війна 1920 року в документах. – Ч. 1: Оперативні документи Штабу Армії УНР (під ред. В. Сальського). – Варшава: [б. в.], 1933. – 404 с.

**Ігор Піляєв**

## **НАЦІОНАЛЬНА ПОЛІТИКА РОСІЙСЬКИХ АНТИБІЛЬШОВИЦЬКИХ УРЯДІВ**

*У статті розглядаються історичні витоки, ідейні засади, відмінні особливості та практичні результати національної політики російських протибільшовицьких урядів періоду 1917–1920 рр. Обґрунтовується висновок про те, що ідеї «непередіришенства» та трактовані в імперському форматі «національної Росії», які відстоювали всі всеросійські протибільшовицькі уряди аж до воєнної катастрофи «білого руху» взимку 1919–1920 рр., унеможливили створення єдиного фронту російських та національно-визвольних протибільшовицьких сил й зумовили перемогу більшовиків в громадянській війні. Останній верховний правитель Росії генерал, барон П. Врангель кардинальним чином переглянув національну політику своїх попередників, але історичний шанс на військову перемогу над більшовизмом до того часу був упущений.*

*Ключові слова:* національна політика, протибільшовицькі уряди, Антанта, «білий рух», Українська Народна Республіка.

**Igor Piliaiev****THE RUSSIAN ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS' NATIONALITY POLICY**

*The article examines the historical origins, ideological foundations, features and practical results of the Russian anti-Bolshevik governments' nationality policy within the period of 1917–1920. It is concluded that the ideas of «non-predetermination» and the imperially understood «National Russia», advocated by all the all-Russian anti-Bolshevik governments until the White movement's military catastrophe in the winter of 1919–1920, made it impossible to form a united front of the Russian and national liberation anti-Bolshevik forces and lead to the Bolsheviks' victory in the Civil War. The last supreme ruler of Russia General Baron P. N. Wrangel radically revised the national policies of their predecessors but a historic opportunity for the military victory over Bolshevism by then had been lost.*

*Key words: nationality policy, anti-Bolshevik governments, Entente, the White movement, the Ukrainian People's Republic.*

**УДК 94(438)****Леся Алексієвець****ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ ТА ОСОБЛИВОСТІ ЕТНОПОЛІТИЧНОГО ПРОЦЕСУ У ПОЛЬСЬКІЙ ДЕРЖАВІ В 1918–1926 РР.**

*У статті на основі широкої джерельної бази і новітніх науково-методологічних основ проаналізовані тенденції та специфіка етнополітики Польщі у міжвоєнний період, загострення протистояння між поляками і національними меншинами.*

*Ключові слова: Польща, етнополітика, міжнаціональні відносини, національні меншини, етнічна самосвідомість.*

Відродження та становлення Другої Речі Посполитої після Першої світової війни здійснювалися в умовах непослідовної державної політики в ставленні до національних меншин, загострення протистояння й асиміляторської дії польських властей, ігнорування інтересів непольського населення. Питання етнополітики урядів Польської держави затркують у працях Л. Зашкільняк, С. Віднянський, О. Красівський, Ю. Макар, Є. Пугач, В. Яровий та ін. У запропонованій статті на основі широкого використання вітчизняних і зарубіжних джерел здійснено системний показ цілісного бачення історичного процесу здійснення етнополітики у Польській державі в 1918–1926 рр.

Зауважимо, що поряд з складними економічними та соціальними реаліями повоєнної Польщі значну напругу викликали етнічні проблеми, часто гальмуючи відродження національної державності та суспільно-політичний поступ країни. Політична історія багатьох слов'янських народів, і зокрема Польщі, наповнена боротьбою за національну емансипацію, національне визволення, відродження й зміцнення власних національних держав, дотримання національних прав та вільного і рівноправного розвитку етнічних меншин, подолання національних конфліктів. Відомий упродовж століть дискурс міжнаціональних проблем не втрачає актуальності й тепер. «Де є етнічні відмінності, там неминуче трапиться етнічний конфлікт», – гласить закон етнічності американського вченого Дж. Олпорта, що він вивів на основі тези про споконвічну домінуючу мотиваційну роль етнічності у вчинках людей [1, с. 81]. Тому, аналізуючи етнополітичний процес у новопосталій Польській державі, формування державної етнополітики, її значення для розбудови демократичного соціально-суспільного устрою, звернемося до характеристики стану національних структур польського суспільства у повоєнний час і становища національних меншин та їх взаємин з владою і польським оточенням.

Відновлена в листопаді 1918 р. Польська держава відразу формувалась як багатонаціональна. Суттєве значення для неї мало питання національних меншин. Постала Польща охоплювала територію 388,6 тис. км<sup>2</sup> із населенням 27,2 млн осіб, займаючи за цими показниками шосте місце в Європі [2, с. 32]. У національному аспекті Польська держава була поліетнічною країною. За переписом 1921 р. в країні, крім поляків, які становили 69 % населення, проживали представники інших етносів. Деякі дослідники історії Польщі вважають загальну кількість поляків завищеною, на їхню думку, частка національних меншин досягала близько 40 %. Згідно з цими даними, українці серед них були чи не найбільшою складовою, питома вага їх досягла 16 %, євреїв – 10 %, білорусів – 5 %, німців – 4 %, а також 1 % росіян, чехів, литовців та інших [3, с. 459]. Тобто, за різними даними, національні меншини у Польщі становили трохи більше третини населення [4, с. 21; 5]. Треба зазначити, що офіційні власті під час перепису 30 вересня 1921 р. намагалися штучно